

Д. Н. АЛЬШИЦ

Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина

Летом 1958 г. Отделом рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина была приобретена рукопись — обрывок какого-то сборника конца XVII—начала XVIII в., в 8°, всего несколько листов, обтрепанных, перепутанных, сшитых веревкой в позднее время. Рукопись была завернута в лист бумаги, на котором карандашом была сделана надпись: «Из городка Пустозерского привезена 1923. 16 л.».¹

Внимание автора этих строк привлекло не имеющее начала повествование об Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине.

Перед нами оказался отрывок неизвестной древнерусской повести, которая, с одной стороны, обладает ярко выраженным беллетристическим характером, а с другой, полна исторических реалий, в которой один вымышленный герой — Харитон Белоулин, а другой исторический — Иван Грозный. Вскоре были обнаружены еще три списка повести² — один также в ГПБ³ и два других в ГИМе.⁴ Во всех этих списках оказалось и недостающее начало повести. Сравнительное изучение списков выявило довольно сложную картину их взаимоотношения, и в частности наличие двух редакций повести. Вопрос об этом будет специально рассмотрен в ходе предлагаемого исследования, которое мы начнем с публикации и изучения ранней редакции, самой близкой к первоначальному виду повести. Мы будем впредь именовать ее «ранняя летописная редакция».

Ранняя летописная редакция повести читается в составе летописца XVII в., который в основном представляет собой так называемую Латухинскую степенную книгу. Рукопись ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 263, в 4°, на 444 л., написана скорописью разных рук на бумаге, имеющей водяной знак «голова шута» с семью бубенцами и контрамарку из букв «НС». Знаки такого рода встречаются на бумаге выпуска 50—70-х годов XVII в.⁵ Рукопись в целом является конволютом — в нее включены листы, написанные в начале XVIII в., когда, по-видимому, он и был соединен. Текст повести в данном списке, как и во всех других случаях, окружен краткими летописными известиями (л. 184 при пагинации не обозначен).

¹ ГПБ, КП 1958. 217, лл. 5—6.

² За помощь в этой работе приношу глубокую благодарность М. А. Салминой.

³ ГПБ, Основное собрание рукописных книг, Q XVII 252, лл. 281—282 об.

⁴ ГИМ, собр. Забелина, № 263, лл. 183—186; № 3996, лл. 268 об.—270 об.

⁵ Лихачев, Бум мельн, табл. 55, № 474; Тромонин, табл. XXIX, «Годоуказатель», стр. 14.

РАННЯЯ ЛЕТОПИСНАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ

Список ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 263

л. 183

В лето 7081 преставил благоверный царевич Иоанн Иоаннович в Александрове слободе. Погребен на Москве у Архангела в церкви.

л. 183 об.

В леги 7082-го царь и великий князь Иван Васильевич уразуме, яко сыну его царевичю Ивану Ивановичю учинилась смерть от злых изменников. И на второй неделе по пасхе во вторник в утре, по указу великого || государя, на Пожаре, среди Москвы, уготовлено 300 плах, а в них триста топоров и 300 палачей стояху у плах оных. Московстии же князии и бояре и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду, страхом одержими быша. Егда же бысть третий час дни, царь и великий князь Иван Васильевичъ выехав на площадь в черном платье и на черном кони с сотники и стрельцы и повеле палачем имати по человеку из бояр и из окольных из стольников и из гостей и из гостини сотни по росписи именитых людей казнити. Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакия вины || не ведуше. Взяхша же первые из гостини сотни 7 человек и казниша их. Емше же осмаго, именем Харитона Белеулена, и не могоша на плаху склонити, бе бо велик возрастом и силен вельми. И возкрича ко царю рече з грубостию: «почто царю великий неповинную нашу кровь проливаеши?». И мнози псарь приступиша пособити тем палачем, и едва возмогоша преклонити. Егда же отсекоша ему главу и спрянувши из рук их глава на землю, семо и овамо спрядая, глаголаше несведомая. Труп же его скочи на ноги свои, и начат трястися на все страны, страшны зело обливая кровию окрест || сущих себе. И многи палачи збиваху тело оно с ног и никакже возмогоша. Но и падшая кровь, где пав, наипаче больма светляся и играя красно вельми, яко жива вопия и не отмываяся. Сие же виде царь усумневся и бысть страхом одержим и отиде в полаты своя. Палачи же по долзе времени не движуще никого без повеления царева, но ожидающе милости. И в 6 час дни вестник прииде от царя повеле всех поиманных отпустить. Они же от радости слезы испущающе, яко избыша нечаемая неповинныя смерти. Тако же и мучители оны, спрятавшие плахи и топоры, отыдоша в дома своя. Труп же || той трясящийся весь день и во 2 час ноши паде сам на землю. Во утрии же повелением царевым погребоша телеса их сродницы, каждо во своих.

л. 185 об.

л. 186

Обратимся к началу повести. Стоящая там дата ошибочна: казнь, вызванная смертью царевича от «злых изменников», происходит за 8 лет до его гибели. Перед повестью в летописи находится отдельное известие о смерти царевича, в котором также стоит ошибочная дата, сдвигающая убийство царевича на 9 лет раньше, чем это сделал Грозный. Возможно, что налицо ошибка «вульгарного» происхождения: описка данного писца или его предшественника. Но возможно и другое, более сложное происхождение этой двойной ошибки. Вполне допустимо, что дата повести «7082» относится только к ее основному содержанию, а слова о царевиче являются поздней вставкой. Проверим это предположение с максимальной осторожностью, рассуждая сначала от противного: слова о царевиче изначально были в повести, ошибки в датах — это простые описки и в обеих вместо ошибочной цифры «8» надо читать 9. Тогда летописное известие сообщает о смерти царевича в 7091 г., а повесть — о последующих событиях 7092 г. Именно такое исправление мы и видим в позднем списке (ГПБ, QXVЧ.252).

Но тогда встает вопрос: почему автор повести, решивший связать свой вымысел с фактом гибели царевича, тут же кладет между этим фактом и действием своей повести расстояние в два года? Встает и более серьезный вопрос, как увязать слова «царь . . . уразуме, яко сыну его . . . учинилась смерть от злых изменников» с содержанием повести?

Если были выявлены «злые изменники», виновные в гибели царевича, т. е. какие-то конкретные виновники, то почему «по росписи» стали хватать не их, а ни в чем не повинных представителей служилых сословий и купцов? Весь смысл повести состоит в том, что на казнь хватали невиновных, которым народ полностью сочувствует. Затем, после пролития крови нескольких безвинных, произошел случай, который заставил царя прекратить казнь. «Злые изменники», да и вообще вся эта история с царевичем, подрывающая с самого начала основной замысел повести и превращающая казнь из необоснованной в обоснованную, тут явно ни при чем. После такого начала вопрос Харитона Белоулина: «Почто царю великий неповинную нашу кровь проливаеши», — звучит странно. Речь в повести идет не о том, что вместо виновных за действительно имевшее место страшное злодеяние — убийство царевича по ошибке казнят других. Речь идет о казни без всякого реального и серьезного повода: «Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакие вины не ведуще». Народ не знал, в чем вообще дело, почему столько плах и палачей. Таким образом, выясняется, что слова о царевиче чужды содержанию повести в целом.

Посмотрим теперь, насколько органично они входят в текст повести. Обратим внимание на конструкцию начала повести. Мы увидим, что слова о царевиче (которые мы здесь даем в квадратных скобках) вставлены в середину даты и разрывают ее на две части: «В лето 7082-го [царь и великий князь Иван Васильевич уразуме, яко сыну его царевичю Ивану Ивановичю учинилась смерть от злых изменников и] на второй неделе, по пасце, во вторник, в утре, по указу великого государя, на Пожаре, среди Москвы» и т. д. Как видим, конструкция начала, если слова о царевиче изъять, отнюдь не теряет смысла и стройности, а, напротив, приобретает наиболее принятый вид, поскольку восстанавливается единство даты: «В лето 7082-го, на второй неделе, по пасце, во вторник. . .». Таким образом, предположение о том, что слова о царевиче являются поздней вставкой, является весьма реальным.

Можно легко представить себе, почему сюжет со смертью царевича был включен в повесть. Мы знаем, что во всех четырех дошедших до нас списках повесть находится в составе летописцев. Однако во всех четырех случаях это летописцы абсолютно различные, не имеющие между собой ничего общего. Отсюда следует, что наша повесть имела и самостоятельное, внелетописное происхождение и распространение. Значит, в момент включения повести в состав летописи должен был встать вопрос, куда же ее вставить, с каким историческим событием ее связать? Поскольку вопрос возник уже после смерти царевича, этот наиболее драматический факт эпохи Грозного вполне мог быть избран кем-то из первых летописцев, включивших повесть в качестве удачного суства, с помощью которого было удобно сочинить ее с летописью. В нескольких поздних летописях обнаружилось примечательное известие о казни Иваном Грозным в Москве, «на Пожаре», торговых людей. Примечательно оно тем, что в разных летописях блуждает по разным датам, пристегивается к разным событиям.⁶ Это обстоятельство указывает на то, что данное известие, как и повесть в своем первоначальном виде, имело также внелетописное происхождение,

⁶ ГПБ, собр. Погодина, 1406, л. 146; 1408, л. 127 об.; F IV 228, л. 74

не было снабжено датой и не было связано ни с каким конкретным событием. Только в этом случае разные компиляторы могли оказаться перед одинаковым недоуменным вопросом, куда его вставить и с чем связать? Естественно, что каждый из них решил этот вопрос по-своему. Один отнес известие к 1555 г.: «Лета 7063-го государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел казнить торговых многих людей и гостей на пожаре многое множество казненных, где же ныне стоят храмы по рву на костях казненных и убиенных, на костях и на крови поставлены».⁷ Не приходится говорить, что ничего подобного в 1555 г. не происходило. Явно враждебный Грозному составитель этой летописи XVII в., новгородско-псковского происхождения, не хотел упустить рассказа о массовой казни торговых людей и, не зная, куда ее присоединить, выбрал очень неудачное место. Другой новгородский летописец XVII в. поместил это же известие под названием «Казнь на Москве от Ивана Васильевича» под 1581 г., между сообщением об осаде Пскова Баторием и известием о смерти в Слободу царевича Ивана Ивановича.⁸ Последнее обстоятельство особенно важно для нас. Оно наглядно подчеркивает, что в источнике данного известия никаких намеков на связь казни со смертью царевича не было. Даже оказавшись рядом, эти известия никак с ним не соединяются, хотя и помечены тем же годом. То, что рассказ о казни поставлен перед известием о смерти царевича, говорит о том, что в глазах составителя оба эти факта не были связаны между собой.⁹ С другой стороны, в этом соседстве ни с чем вообще не связанного известия о казни торговых людей с известием о смерти царевича безусловно заложено искушение поменить их местами и поставить в причинную связь между собой: сначала умер царевич, а затем по этому поводу была казнь.

Попутно возникает вопрос, что из чего сделано — повесть о казни купца из этого известия или это краткое известие о казни торговых людей из повести? Нам представляется, что это известие является по отношению к повести вторичным, ее кратким летописным отголоском. Об этом свидетельствует уже сама хронологическая «неприкаянность» известия, отсутствие какой-либо связи его с конкретными историческими фактами, что для «прирожденного» летописного известия невозможно. Дальнейшее изложение покажет, что как раз повесть тесно связана с конкретными историческими событиями и полна таких реалий, которые можно было позднее исключить, как это и сделано в названных летописных известиях, но никак нельзя было бы заново выдумать.

Итак, мы пришли к выводу, что слова, связывающие казнь, описанную в повести, со смертью царевича, являются поздней вставкой, которая и делает дату, стоящую в повести, ошибочной. Изъяв эти слова из повести, что, как мы видели, делается текстологически совершенно безболезненно, мы устраняем явно ошибочный характер даты.

Благодаря такому толкованию можно объяснить и механизм двойной хронологической ошибки в тексте летописца, список которого находится

⁷ ГПБ, собр. Погодина, 1406, л. 146.

⁸ ГПБ, собр. Погодина, 1408, л. 128. Эта рукопись описана С. Н. Азбелевым в статье «Светская обработка жития Александра Невского» (ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 147). Добавим, что эта рукопись явилась протографом так называемого Морозовского летописца, упоминаемого Н. М. Карамзиным (ГПБ, F.IV.228).

⁹ В так называемом Морозовском летописце (ГПБ, F.IV.228), являющемся списком с данной рукописи, также содержится это известие. Против него на полях рукой Н. М. Карамзина записано: «В других лет. „В Лето 7063 ... велел казнити ... на пожаре, иде же ныне стоят храмы по рву на костях казненных и убиенных и на крови поставлены“». Отсюда видно, что известие о казни торговых людей, ошибочно отнесенное к 1555 г., встречается часто.

в сборнике ГИМ, собр. Забелина, № 263. Предшественник составителя этого сборника списал известие о смерти царевича и повесть из разных источников. Это видно из того, что в летописном известии имя царевича пишется «Иоанн Иоаннович», а рядом в повести его имя, а также имя Грозного везде пишется «Иван». Очевидно, что в обоих этих текстах, расположенных в разных памятниках, не могло быть одинаковой хронологической ошибки. При включении повести в летопись встал вопрос, с каким летописным известием ее связать. Составитель — предшественник составителя сборника ГИМ, собр. Забелина, № 263 — счел, что казни, о которых говорит повесть, могли быть вызваны таким драматическим для царя событием, как смерть сына. Соответствующие слова он внес в текст повести вслед за ее датой, причем эта дата не была им поправлена. Это последнее обстоятельство скорее всего объясняется тем, что летописного известия о смерти царевича с правильной датой в распоряжении этого составителя не было. Таким образом, в его руки попал летописец, где была повесть о казни в связи со смертью царевича с датой «7082», но где впереди не было отдельного известия о самой смерти. Вот почему это известие он разыскал в другом источнике (где имя «Иван» писалось «Иоанн») и переписал его в свой летописец, перед повестью. При этом он «поправил» дату известия — «7090» на «7081», чтобы согласовать ее с датой повести «7082». Таково то единственное предположение о происхождении двойной хронологической ошибки в данном сборнике, которое простейшим образом объясняет все наши данные по этому вопросу.

Из всего сказанного вытекает, что дата «7082» была в повести до включения в нее слов о царевиче и, значит, должна направить наше внимание на 1573—1574 гг.

*

Обратим внимание на определение места, где произошла казнь: «на Пожаре». „Пожаром“, после набега Девлет-Гирея в 1571 г., стала именоваться площадь перед Кремлем, которая до того называлась Троицкой.¹⁰ Огонь охватил, однако, не только Троицкую площадь. После ухода татар вся Москва представляла собой сплошное пепелище. Об этом дружно свидетельствуют все, в том числе и официальные, источники: «И крымской царь посады на Москве зажег и от того огня ... оба города выгорели, не осталось ни единые храмины, а горела всего три часа».¹¹ Естественно, что в первые годы после этого страшного опустошения для обозначения площади возле Кремля недостаточно было просто сказать «на Пожаре», так как «пожар», погорелое место, был кругом. В то время еще необходимо было уточнение. Такое уточнение в повести есть: «на Пожаре, среди Москвы». Позднее, по мере новой застройки Москвы, это дополнение те-

¹⁰ В современных источниках наименование этого места «Пожаром» ранее 1571 г. не встречается. В некоторых списках Казанского летописца конца XVI—начала XVII в. это наименование однажды применено под 1553 г. Легко видно, что там налицо позднейшая обработка соответствующего текста Никоновской летописи в котором этого наименования нет. Ср.: ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 252; т. XIX. СПб., 1903, стр. 483. Можно сделать любопытное наблюдение: новгородский летописец XVII в., поместивший известие о казни торговых людей под 1555 г., был знаком с каким-то поздним списком Казанского летописца, ибо только в этих списках налицо комбинация 1555 г. «Пожара», «рва» и закладки там Покровского собора. В силу своей враждебности Грозному этот летописец ни словом не обмолвился о казанской победе, давшей повод к закладке собора. Вместо этого, как мы знаем, он вставил сюда рассказ о казни торговых людей. Ср. также: П. В. Сытин. Из истории московских улиц, изд. 3 М., 1958, стр. 71.

¹¹ Разрядная книга московских государей официальной редакции: ГПБ, Эрмитажное собрание, № 390, л. 370

ряет смысл и исчезает. Уже в 80-х годах оно сходит на нет. Составитель «Нового летописца», являвшийся современником событий этих лет, неоднократно употребляет наименование «на Пожаре», но ни разу не добавляет «среди Москвы». В то время это было и так ясно.¹² Наличие этого специального уточнения наводит на мысль, что наша повесть восходит к 70-м годам XVI в., когда оно было обязательным. На эту же мысль наводит отсутствие в повести слова «опричина». Царь выезжает на площадь вершить казнь «с сотники и стрельцы», но не с опричниками. Автор избегает этого слова, хотя сам царь представляется ему именно в опричном виде — «в черном платье». Вероятно, слово «опричина» отсутствует здесь потому, что повесть родилась вскоре после 1572 г., когда опричина была официально ликвидирована и переименована в «двор». Было запрещено употреблять название «опричина» и безусловно отряды царского войска в те годы так не именовались.

В этой связи становится понятным, почему главной карательной силой Грозного вдруг оказались псарь. Так же как «черное платье» царя, наименование «псарь» прозрачно указывает на опричников, отличительным знаком которых была песья голова, символизировавшая их собачью преданность царю и постоянную готовность выгрызть измену. С другой стороны, в XVII и следующих веках редко разбирались, в какие годы опричина еще была, а в какие ее уже не было. Поэтому в поздних описаниях казней и террора Грозного царь и опричина обычно неотделимы.

Если эти особенности правильно указали нам время создания повести, то естественно ожидать, что в ее содержании отразились события, предшествовавшие этому времени.

Вымышленный эпизод с трупом купца рассказан на фоне описания массовой казни, проведенной по повелению Грозного. В повести говорится, что «по росписи» было схвачено 300 человек бояр, окольных, стольников и гостей. Перед началом казни на площадь выехал сам царь во главе отряда стрельцов. Началась казнь, но часть обреченных была помилована и отпущена. Трупы казненных остались валяться на площади до повеления царя их похоронить.

В исторических источниках, сообщающих о событиях 70-х годов XVI в., мы находим буквально совпадающие во всех этих деталях описания реальных исторических фактов.

В июле 1570 г. происходили московские казни, завершавшие начатые в Новгороде репрессии, связанные с новгородским изменным делом. В «Сказании» современника-инострнца Альберта Шлихтинга рассказывается, что утром на площадь было выведено 300 человек «знатных мужей»¹³ — в повести 300 «именитых людей». Повторение в повести этого числа три раза — 300 плах, 300 топоров, 300 палачей — является типичным фольклорным приемом. Но избрание для этого повторения именно той самой цифры, что и у Шлихтинга, писавшего, как известно, свое «Сказание» непосредственно вслед за данными событиями, представляется неслучайным. Цифры, приводимые Шлихтингом, не вызывают сомнений. Напомним, что сообщенное им число жертв новгородского погрома вполне реально — 2770. Оно решительно отличается от всех других сообщений, явно преувеличенных: 27 000 у Таубе и Крузе, 60 000 в Псковской летописи, 700 000 у Горсея и т. п.¹⁴ Точность приводимых Шлихтингом цифр в рассказе об интересующей нас казни подтверждается и русскими лето-

¹² ПСРА, т. XIV, ч. 1. СПб., 1910, стр. 34, 47, 67, 69, 87, 108.

¹³ А. Шлихтинг. «Сказание». Новое известие о России времени Ивана Грозного. Под ред. А. И. Малеина. Изд. 3. М., 1934 (далее: А. Шлихтинг), стр. 45—46.

¹⁴ Там же, стр. 29 и примечания к ней на стр. 54

писями. Шлихтинг говорит, что в этот день были казнены 116 человек. В так называемом «Пискаревском летописце», опубликованном О. А. Яковлевой,¹⁵ названа примерно та же цифра — 120 человек. Кстати сказать, и все остальные детали этого рассказа летописи подтверждают описание Шлихтинга. Следующую деталь, сообщаемую повестью, — наличие специальной «росписи», по которой были схвачены для казни обвиняемые, мы опять находим у Шлихтинга. Перед казнью вышел «на середину дьяк тирана Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд туда внесенных».¹⁶

И наша повесть, и Шлихтинг сходно говорят о том, что трупы казненных лежали на площади до тех пор, пока царь не приказал их похоронить. Несомненно, что и это совпадение не случайно.

Можно себе представить, с каким ужасом обходили жители страшное место, заваленное мертвыми телами. Вероятно, мало кто мог заснуть в домах, его окружающих. Но никто, понятно, не смел и думать о захоронении мертвецов без повеления царя. Шлихтинг пишет об этом так: «Тела же убитых, ограбленные и обнаженные, лежали на земле, на середине площади, до вечера. Впоследствии тиран приказал вынести их за город и свалить в одну яму для погребения».¹⁷ Автор повести также сообщает, что погребение долго лежавших тел произошло по повелению царя. Но в его словах по этому поводу мы видим одно знаменательное отличие от Шлихтинга, и именно это отличие и свидетельствует в данном случае о том, что и Шлихтинг, и автор повести имеют в виду один и тот же факт. Автор повести не просто сообщает, что «во утрии же, повелением царевым погребоша телеса их», но особо подчеркивает: «сродницы каждо во своих». Это подчеркивание, что каждого похоронили родственники среди родных могил, обличает намерение автора противопоставить факту свального захоронения казненных другую версию. Такое намерение вытекает из замысла его повести. Случай с купцом Белоулиным для того и выдуман, чтобы показать, как царь в результате его смягчился, помиловал тех, кого еще не успели казнить, и, уже само собой, разрешил по-христиански похоронить казненных. Весь смысл повести был бы смазан, если бы герой ее, спасший сотни жизней, оказался бы брошенным в общую яму.

Совпадает в «Сказании» Шлихтинга и в повести описание выезда царя на площадь во главе отряда конных стрельцов.

Наконец, самое главное, что совпадает в «Сказании» Шлихтинга и в повести, — это факт помилования прямо на площади части приговоренных. Шлихтинг пишет, что из 300 выведенных на казнь царь велел казнить 116 человек, а остальных 184 помиловал и отпустил. В повести иное соотношение: казнили всего 7 человек, восьмым был Харитон Белоулин, а всех остальных, после случая с ним, царь «пожаловал» — отпустил. Повесть не производила бы желаемого впечатления, не была бы художественным произведением, если бы автор, придерживаясь фактической точности, сначала переказал в своем рассказе человек 120 и только тогда заставил бы своего героя спасти остальных приговоренных. Важно, что в основе художественного вымысла автора повести мы опять находим реальный факт, имевший место в начале 70-х годов.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что авторы обоих произведений — люди разной психологии, разной творческой манеры, а главное ставившие перед собой диаметрально различные цели, создавая свои

¹⁵ Материалы по истории СССР, т. II. Изд. АН СССР, М., 1955 (далее Пискаревский летописец), стр. 79.

¹⁶ А. Шлихтинг, стр. 46.

¹⁷ А. Шлихтинг, стр. 49.

сочинения, имели перед глазами одну и ту же картину и воспроизвели одни и те же основные ее детали.

Но если Шлихтинг написал свое «Сказание» в 1570 г., почти сразу вслед за событиями этого года, то наш автор писал несколькими годами позже. Его представление о больших казнях в Москве должны быть богаче, чем у Шлихтинга. Такие казни происходили в эти годы еще несколько раз, и в частности в 1573 г., когда на площади Кремля опять казнили «именитых людей», в том числе новгородского архиепископа Леонида.¹⁸ Эта казнь, как подчеркивает летописец, происходила в присутствии царя: «повелеша казнити на площади при себе боярина, князя Петра Куракина . . . и иных многих». Казнь совершалась отсечением голов, которые затем кидали по дворам многих знатных людей — князя Ивана Мстиславского, дьяка Андрея Щелкалова и др.¹⁹ Мертвые головы обретали на время самостоятельную судьбу и, хотя молчали физически, очень красноречиво говорили своим видом.

Наконец, последнее и наиболее важное для нас наблюдение об отражении в повести реальных событий начала 70-х годов. Казни 1570—1574 гг. были продолжением новгородских казней. Вместе с Висковатым и Фуниковым в 1570 г. казнили новгородцев, пригнанных ранее на следствие в Александровскую слободу: «А прочих новгородцев, опальных людей, повеле казнити на Москве».²⁰ Речь идет о новгородцах, последовавших за архиепископом Пименом. Не может быть сомнения в том, что за следующим новгородским владыкой, архиепископом Леонидом, на следствие и на плаху последовали и его земляки. Мы подчеркиваем это для того, чтобы напомнить, что именно в новгородском деле, в числе преследуемых, избиваемых и казненных Иваном Грозным оказались купцы. Еще до прибытия самого Грозного в Новгород с карательной экспедицией его дворяне «повелением государевым, во граде гостей и приказных людей государевых именитых и торговых людей переимаша и передаваша их по приставам и повелеша их приставам держати крепко в оковах железных, а дома их и имения запечаташа, а жен их и детей повелеша стражем стрещи».²¹ Прибыв в Новгород, царь нагрянул на Торговую сторону. Вскоре царь «по всем торгам у торговых людей в лавках всякие товары повеле грабити, и лавки разсекати и до основания разоряти».²²

Известно, что после новгородского похода начался по Москве сыск всех, кто был связан с новгородскими изменниками. Купцы новгородские и купцы московские по самой сути своей деятельности, имели постоянные связи. Можно говорить не только о тесной связи отдельных лиц, но и вообще о связи новгородского купечества с московским. Безусловно, что не только в подозрительном воображении Грозного, но и на деле связи новгородского и московского купечества не всегда были чисто коммерческими. Таким образом, не может быть сомнения, что среди сотен жителей столицы, схваченных за их связи с новгородскими изменниками, не малую часть составляли московские купцы, жители московского посада.

Отражение в повести конфликта Грозного с купечеством также указывает на события начала 70-х годов как на ее реально-историческую основу.

В Переписной книге Посольского приказа 1626 г. изложено дело о казнях 1570 г. Этот источник содержит в основном те же данные, какие мы

¹⁸ Пискаревский летописец, стр. 81 и прим. 89.

¹⁹ Там же.

²⁰ ПСРЛ, т. III. СПб., 1879, стр. 345.

²¹ Летописец новгородский церквам божьим: ПСРЛ, т. III, стр. 339.

²² А. Шлихтинг также сообщает о погроме купцов в Новгороде и о том, что среди казненных в Москве в 1570 г. были купцы (А. Шлихтинг, стр. 30).

находим и у Шлихтинга, и в нашей повести: «Столп, а в нем статейный список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году, на Ноугороддкого архиепискупа, на Пимена, и на новгородских дячков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве с бояры . . . и в том деле многие кажнены смертью . . . а иные розосланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло, и те свобожены, а иные помилованы. Да тут ж список, ково казнити смертью, и какою казнию, и ково отпустить . . . и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город, на полое место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити».²³ Как видим, совпадение основных деталей этого официального документа с рассказом современника-иностранца и с историческими реалиями повести полное. Напомним, что ни до, ни после 70-х годов подобных массовых казней в XVI в. не происходило, и, таким образом, в повести отражены именно эти казни.

При чтении повести бросается в глаза преимущественное внимание автора к купеческому сословию. Купцы не только поставлены на одну доску с князьями и боярами, но подчас играют даже более важную роль, чем они. С купцов начинается казнь. Героем повести, спасшим множество обреченных, в том числе князей и бояр, является купец. Трудно допустить, чтобы подобную позицию явного «завышения» роли купцов занимал представитель боярства, дворянства, или духовенства.

Повесть про купца Харитона Белоулина несомненно родилась в купеческой или околкупеческой среде, на городском посаде. Автор повести был москвичом, современником описанных им событий. Мы видели, что в ткань повести обильно вплетены разнородные подлинные детали событий, бесспорные исторические реалии. При этом ранний вид повести не содержит ни ошибок, ни анахронизмов. Они, как мы увидим, появились в повести, как только она попала в руки поздних переписчиков и вышла за пределы Москвы. Такая точность в исторических деталях была бы едва ли достижима для лица, узнавшего об описанных им событиях с чужих слов.

*

Повесть, вызванная к жизни событиями, связанными с Новгородом, со временем нашла распространение и в самом Новгороде, и в его владениях. Рассказанное в ней должно было еще долго находить живой отклик в сердцах поколений новгородского купечества. Поэтому вполне закономерно, что два из четырех известных нам списков повести новгородского происхождения.

Один из этих списков, поступивший в ГПБ в 1958 г., находится, как уже говорилось, в сборнике, вернее в отрывке сборника, конволюта конца XVII—начала XVIII в., в 8°, на 16 л., сшитых веревкой сравнительно недавно, возможно в XX в. Водяные знаки не видны, текст написан скорописью различных почерков. При составлении листы перепутаны. Л. 1 являлся, согласно старой пагинации сборника, 89-м; л. 5, на котором начинается повесть, был 74-м; последний, 16-й, был 84-м. Отсюда ясно, что составитель сборника действовал механически, не зная буквенной пагинации и не умея читать тексты, связность изложения которых он нарушил.

О содержании всего сборника на основании дошедших 16 листов судить нельзя. Тем не менее есть данные, позволяющие связывать его происхождение

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М—Л, 1950, стр. 480—481.

ние с Новгородом. Рукопись прибыла из Пустозерска, являвшегося в свое время новгородским владением. На новгородское происхождение данного списка указывает и его текст, совпадающий с текстом в сборнике ГПБ, ОСРК, Q.XVII.252, новгородское происхождение которого очевидно. Этот сборник также является конволютом, соединившим рукописи в основном конца XVII и частично XVIII в. (лл. 251—253, 255—282 об.). Рукописи, относящиеся по почерку ко второй половине XVII в., написаны на бумаге с водяными знаками XVII в.²⁴ На листах летописца с интересующей нас повестью просматривается нижняя часть водяного знака — крупные, слитно написанные буквы «ЛИК», отнесенные Н. П. Лихачевым к 1727 г.²⁵ Сборник насчитывает 289 лл., в. 4°. Он был составлен и переплетен в XIX в., о чем свидетельствует переплет XIX в. — картонный с кожаным корешком и наличие в середине рукописи л. 254 с водяным знаком «18...» (последние две цифры неразборчивы).

В этом сборнике много новгородских повестей и рассказов: о белом клубуке, об основании Новгорода. Внутри летописца, в который включена повесть, большинство известий посвящено Новгороду: о княжении великого князя Ярослава Владимировича в Новгороде, о преставлении Александра Невского, о приходе Ивана Грозного в Новгород, о приходе его в Вологду и наказании вологодских именитых людей.

НОВГОРОДСКИЙ ВИД

По списку ГПБ, КП, 1958. 217

По списку ГПБ, ОСРК, Q XVII,
252

В лето 7091 года преставися благоверный царевич Иоанн Иоанович.

В лето 7092 государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич позна что смерть случися сыну его царевичю Иоанну от изменников. И того же года, на другой недели по пасце во вторник поутру на царстве востаха людие и видеша на Красной площади у лобного места уготовано триста плах и в плахах триста топоров и стоят у плах триста палачев московского государства. Князи и бояре и гости и всякого чина люди, видевше таков страх, одержимы быша боязнью великою, проливающе аки реку слезы и не смеяху || людие друг ко другу приближитися, или друг со другом слова глаголати страха ради царева. Толке глаголаху: «Господи помилуй!».

И в третей час дне ис царских полат выехал сам государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич в черном платьи на черном кони з

л. 5 Князи и бояра и гости и всякого чина люди страхом одержими быша и трепетом — что есть от царя вина на царство видяще, что на казень приуготовлено. И бысть в скорби велицей и слезы точаще людие и не смеяше друг ко другу приклонитися и слова изрещи, страха ради царева, и глаголаху: «господи помилуй!» И на 3 часе дни из царских хоромов выехал сам царь и великий князь Иван Васильевич в черном платьи и на черном коне, своими

²⁴ Герб с почтовым рожком и короной (Лихачев, Бум. мельн., табл. 105, № 697, 1681 г.).

²⁵ Лихачев, Бум. мельн., табл. 82, № 575.

стрельцы и холопы и со псари и повеле палачам имать 100 князей, 100 бояр, 100 гостей болших именем по розписи и на плахи клонити. Людие московстии быша в велицей погибели, неведуще за какую вину. И схватиша преже гостяной сотни 7 гостей на плахах || сказниша. 8-го именем Харитона Белоулина взяв и невозмогша склонити, собою велик, черн власы, образом страшен и кричуще ко царю: «почто еси неповинную нашу кровь изливаеши!?». И з грубостию глаголя. И псари выскочиша пособити палачем и отсекоша ему главу. Глава же спряну от них и язык лепечуще спрядывает от земли. Труп же воста на ноги, нача трястися страшно. И збивая с ног его палачи и никако же возмогша стронить. Царь же усумнеся и страхом одержим и погна с своими холопы и со всеми стрельцы и псари за Неглинную, во свои царьские хоромы. Палачи же стоя недвижуще никого без повеления царева. И не много время, на 6 часу, от царских хоромов гонит скорый гонец || и кличет зычно голосом, шапкою машучи: «государь пожаловал!». Палачи же розпустиша пойманных всех князей и бояр и гостей и плахи спряташа и разыдошася все во своя дома, славяще бога. Труп же той трясущеся весь день и на 2-м часу нощи падоша. На утро же мертвых телеса спряташа по повелению цареву.

своими служилыми людьми и со псари и повеле палачем имати сто человек князей, сто человек гостей больших и меньших, да сто человек бояр по росписки. Людья ж московстии в нечаянной погибели неведуще за кую вину сие бысть? И ухватиша палачи седем человек гостей на плахи и сказниша. Осмаго ж, именем Харитона Белоулина взяша, и не возмогша на плаху его склонити собою, понеже велик бе телом, черн власы, страшен образом, кричаще глаголя: «почто, царю, нашу || неповинную кровь, за которую вину изливаеши?». И со гневом царь и псари прискочи пособити палачем. И склониша его на плаху и отсекоша ему главу. Глава же отпряну от тела и языком летчуши спрядывая от земли. Труп же его вскочи на ноги и нача трястися страшно. И збиваху труп с ног палачи и никако не возмогша трупа свалити. Царь же усумнеся страхом одержим, погна на кони за Неглинную в царские полаты. Палачи же стояще никого без повеления царева на казняху. И не по многом времени, на шестом часу дни, от царских полат гонит гонец, кличет голосом зычно и шапкой машет, глаголя: «государь, царь пожаловал!». Палачи же розпустиша всех пойманных князей и бояр и гостей и плахи спряташа и разыдошася в дома своя радостны || труп оный Харитона Белоулина трясущеся на ногах весь день. И на втором часу нощи сам паде. На утро же по появлению цареву мертвых телеса спряташа.

Существенное отличие этого вида состоит в появлении здесь ряда поздних наименований. Вместо «Пожара» здесь уже видим «Красную площадь». Это наименование появилось, как известно, не ранее 1661—1662 гг.²⁶ Тем самым этот вид бесспорно датируется второй половиной XVII в. Еще более интересно то, что здесь в обоих списках появилась характерная ошибка, которой не могло быть и нет в повести москвича-современника: царь с площади уезжает в свой дворец за реку Неглинную. Дворец этот, как известно, был сожжен полностью в 1571 г. и больше не

²⁶ П. В. Сынтин Из истории московских улиц, стр 71

возобновлялся.²⁷ Значит, во время казни «на Пожаре» дворца уже не было. Эта ошибка чисто книжного происхождения, сделанная составителем летописной компиляции, включившей повесть на основании знакомства со старыми летописями, откуда он и вычитал о дворце за Неглинной.

В обоих списках этой редакции фамилия героя повести не «Белоуленев», а «Белоулин». Добавилась и внешняя характеристика Харитона Белоулина, не отличающаяся высокой художественностью и скорее отдающая ходячим штампом: «черн власы, образом страшен». Зато выпало хотя и жуткое, но художественное описание крови, разбрызгиваемой во все стороны качающимися на ногах трупом: «... и падшая кровь, где пав наипаче больма²⁸ светляся и играя красно велми, яко жива вопия и не отмываяся». В этих словах, опущенных поздними переписчиками, виден истинно художественный прием — создание обобщения, впечатления о невинности казненного, с помощью, казалось бы, чисто внешнего описания.

В обоих списках второй редакции есть и одно характерное дополнение. Автор повести как истинный художник был краток. Сказав о приготовленных плахах, он в нескольких словах отмечает: «Московстии и же князин и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду страхом одержимы быша». Страх народа накануне казни безусловно имел место и поэтому отмечен. Но не он предмет описания. Поэтому о нем сказано кратко. Вспомним, что именно так, почти дословно так, создавая ту же картину того же времени, писал и замечательный русский писатель XIX века А. К. Толстой. В стихотворении «Василий Шибанов» он описывает в мрачных тонах московское утро. И здесь царь в черной («смирной») одежде, и здесь ничего хорошего не предвещает его усердное названивание в колокол:

И звону внимают московский народ,
И молится полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

Настроение народа выражено кратко и вместе с тем исчерпывающе: «молится полный боязни». Ровно три слова. Так же говорится о людях московских в ранней редакции повести: «страхом одержимы быша». Ровно три слова.

Иное мы видим в поздних списках. При соприкосновении с книжной традицией от этой высокой краткости не осталось и следа. Указание на страх народа дало повод прибавить сюда несколько традиционных книжных штампов: «проливающие аки реку слезы и несмеяху людие друг по другу приблизитися, или друг со другом слово глаголати, страха ради царева. Только глаголаху: „Господи помилуй“».

²⁷ П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы, т. I, 1147—1762 М., 1850, стр. 56. — Сообщив об этом, П. В. Сытин делает примечание, что в Пискаревском летописце, опубликованном О. Л. Яковлевой, есть свидетельство, что царский дворец за Неглинной был восстановлен. Это суждение является необоснованным. Оно не подтверждается ни одним свидетельством о пребывании Грозного в дворце за Неглинной после 1571 г. Оно противоречит данным о том, что взамен сгоревшего дворца был поставлен новый на Петровке (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 44—45). А главное, такой вывод вовсе и не вытекает из сообщения Пискаревского летописца. Там под 1598/99 г. сказано: «... того же году поставлен другой земский двор за Неглинною, блиско Успенского вращка, у мосту, против старого государева двора, где после князь Дмитрий Шуйский жил» (Пискаревский летописец, стр. 103). Прочитать здесь, будто «старый государев двор» был восстановлен и что именно в государевом дворе поселился князь Дмитрий Шуйский, совершенно невозможно. Ясно, что речь идет об определении места. Сначала там был «государев двор», а потом на том месте или рядом поселился князь Шуйский. Важно, что на месте «старого двора», как дополнительно ясно из данного известия, не был выстроен «новый» и что Грозный там наверняка не жил после 1571 г.

²⁸ Так в рукописи.

Бросается в глаза существенное отличие всех поздних списков от раннего варианта и в конце повести. Во всех этих списках опущены слова о том, что на утро всех казненных похоронили «сродницы каждо во своих». Эта деталь, безусловно важная, как мы видели выше, для автора-современника, для поздних переписчиков потеряла актуальность и значение.

Небезынтересно отметить и некоторые различия между списками новгородского вида. В первом имя царя и царевича пишется «Иван», во втором — «Иоанн». В первом все количественные понятия, а также часы выражены цифрами, что ближе к раннему виду. Во втором цифры заменены словами. В первом Грозный выезжает «с стрельцы, холопы и псари». Во втором «стрельцы и холопы» объединены в «служилых людей». В первом говорится, что палачи стали хватать в числе других 100 гостей «больших именем». Во втором эта формула превратилась в «больших и меньших». Очевидно, что «и меньших» — результат плохого прочтения слова «именем». Эти, а также другие наблюдения приводят к выводу, что эти тексты по времени располагаются в такой последовательности: текст, представленный первым списком — ГПБ, КП. 1958. 217, предшествовал тексту второго — ГПБ, ОСРК.XVII.252, который является результатом его незначительной переработки.

Четвертый список повести содержит еще одну особую редакцию. Данный список находится в составе рукописи ГИМ, № 3996. Эта рукопись является даром неизвестного лица, в 1938 г. Она называется «Сибирский сборник» и, согласно вложенному в него описанию, сделанному в музее, датируется первой половиной XVII в. Что касается названия сборника, то происхождение его неизвестно, а что касается датировки, она, к сожалению, ошибочна. Дело в том, что сборник вообще является конволютом, составленным из разновременных написанных и механически переплетенных вместе частей. Некоторые из них, например лл. 278—295, явно относятся к XVIII в., другие — ко второй половине и к концу XVII в. Наличие в отдельных частях сборника водяных знаков 30—40-х годов XVII в. не дает, естественно, оснований датировать конволют в целом первой половиной XVII в., как это сделано в описании ГИМа. Летописец, в составе которого находится повесть, написан почерком второй половины XVII в., вернее всего последней четверти. Всего в сборнике 295 лл., в 4°. Многие листы были разорваны и теперь реставрированы.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Список ГИМ, № 3996

В лета 7091-го благоверный царь, государь и великий князь Иван л. 253
Васильевич всеа России распалився в кручине, и непощаде сына
своего — на смерть предаде благоверного царевича Ивана Ивановича
всеа России. Но не сам бо царь сына своего на смерть предаде, но
злые изменники лестными словесы подмовылися царю и великому
князю Ивану Васильевичу всеа России на благоверного царевича
Ивана Ивановича.

|| Того же 91 го году, по светлом воскресерге Хрисгове, на второй л. 253 об
неделе во вторник, во царствующем граде Москве, востав людие из
за утра и узрев на пожарище стоят царевых триста палачей и триста
плах перед ними лежит — у коегож палача плаха. И триста топорков
вотнуго, уготовлены на казнь людем. Люди же московские — князи
и бояря и торговцы и всяк возраст человеческий от велика и до
мала, мужеский пол и женский || бысть трепетны и страхом одер- л. 269

жимы бежом и плачась, только в тайне и друг другу втайне глаголаху: «что есть от людей, ко царю вина? За кою вину на людей от царя опала, уготовлены палачи на казнь людям?» И не домысляху вины на людей. И бысть людия в сетованье и в скорби велицей и плачась горько и моляся токма богу. И в полутрия того дни приехав из царских хором сам царь, государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси своими царскими холопи, доброхоты и стрелцы стреманными к тому пожарищному месту и стрелцы нача имать сто князей, сто бояр и сто торговцев больших гостей. И по повелению цареву нача палачи на || плахах казнить с торговцев прежде Людем же всем предстоящим ту с трепетом и страхом одержими, но токмо в тайне слезы изливающе свои, а не смеюще никто же друг ко другу глаголати страха ради царева, но токмо всяк во уме своем держаще: «за кою вину бысть сия казнь?». Палачи же, показня торговцев трицеть семь человек, и взяв восьмаго торговца именем Харитона Алексева Левренского. Харитон же нача вопияти велие гласом ко царю и глаголюще: «за кою вину, царю, возложи гнев свой на нас и проливаешь кровь нашу неповинную? Мы вины на ся не обретаем» ... и много изглаголя ко царю встречныя глаголы з грубостию при смертном часе. || Палач же един не возмогоша его на плаху возложити: противляхуса палачу и добр бе телом и высок возрастом, власы черны, лицем бе страховит. И похватив его шестью палачи и возложиша на плаху, отсекоша главу ему. И глава ж его воспрянув и нача от земли спрядывать, а язык лечуше.²⁹ А труп тела его вскочи на ноги стоя и нача страшно трястися. Палачи же збивая труп с ног его, но никакко не возмогоша с ног збити и главы утолти И бысть страшно труп трясущиися и главы от земли восскачущи Царь же устранился велми. И своими царскими холопи и доброхоты на конех поехав || за Неглинную реку во свои царския хоромы Палачи же не казня стоят и вси людие устрашился велми видя таковое бывшее чудо. И в том же часе от царя из-за Неглинныя реки пригна скорый гонец и изглаголил палачем царское слово: да не казнят ни единого человека — государь пожаловал. И отпустиша всех связанных князей, бояр и достальных торговцев. И славя все бога и пречистую его мать и московских чудотворцев. Труп же той трясущися, на ногах, но сам паде в второй час ночи и бысть мертв. И по повелению цареву погребоша их всех.

Первое, что бросается в глаза при изучении рассматриваемой редакции, — это замена фамилии героя. Харитон Белоуленев превратился теперь в Харитона Алексева Левренского или, надо полагать — в более исправных списках, Лавренского. В таком виде эта фамилия приобретает церковный оттенок, что не случайно.

Отличительная черта этой редакции — ярко выраженный церковный характер. Церковный налет сказался на языке повести. «По пасце» стало теперь «по светлом воскресении христове», схваченный купец «нача вопияти велие гласом». История с казненным купцом рассказана здесь уже как чудо. «И все людие устрашишася велми, видя таковое бывшее чудо . И славя вси бога и пречистую его мать и московских чудотворцев». Последние слова прямо указывают на московское происхождение данной редакции. Вспомним, что и весь сборник ГИМ, № 3996, подобно сборнику ГИМ, собр. Забелина, № 263, не содержит, в отличие от двух предыдущих, никаких признаков новгородского происхождения. В этой редакции

²⁹ Так в рукописи

повесть имеет и наиболее верноподданнический характер. Начало ее являет теперь образец хитроумного и лицемерного полупризнания и полуютрицания виновности самого Грозного в смерти сына: «благочерный царь, государь и великий князь Иван Васильевич . . . распалился в кручине и не пощаде сына своего — на смерть предаде . . . но не сам бо царь сына своего на смерть предаде, злыи изменники лестными словесы подмовылиися царю . . . на благоверного царевича Ивана Ивановича». Составитель данной редакции снял с Грозного и черное платье, в котором он выступает в других списках. Никаких псарей в царской свите нет. Это, видимо, пока-

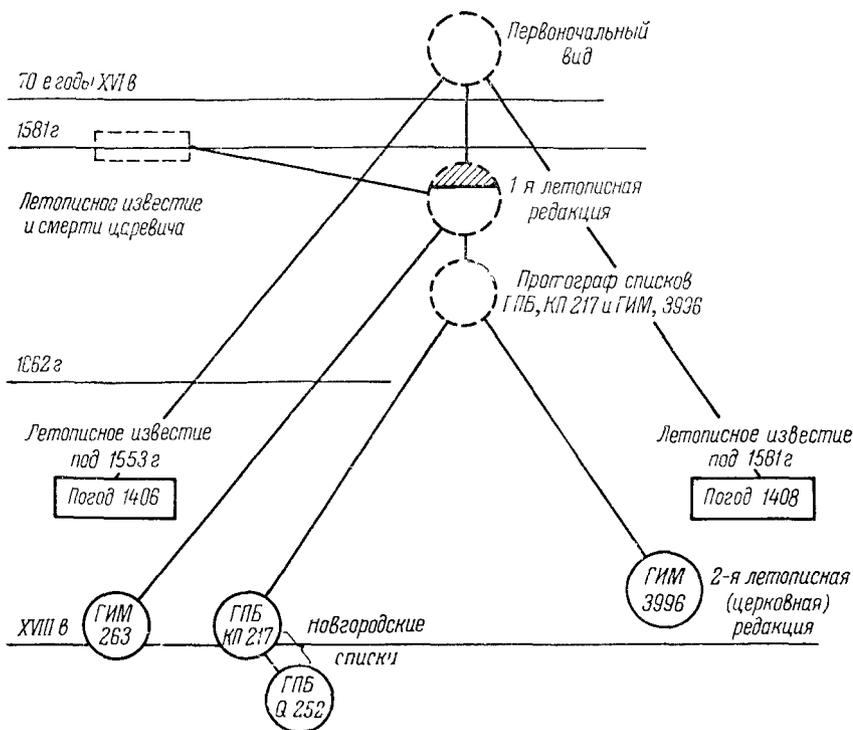

Схема взаимоотношения редакций и списков Повести про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина

залось несолидным. Царя окружают его «доброхоты». Очень важно, что в данной редакции отсутствуют Красная площадь и Лобное место, появившиеся в новгородских списках. Казнь происходит здесь по-прежнему на «Пожарищном месте». С другой стороны, здесь, так же как и в новгородской редакции, говорится о Неглинном дворце и дано, так же как там, пространное описание страха и молитв народа перед казнью. Здесь это описание дополнительно расширено более чем в два раза (в нем около 50 слов).

Из этого ясно, что новгородские списки и редакция в списке ГИМ, № 3996 имели общий протограф, где фигурировал дворец за Неглинной и был пространно описан народный богомольный плач. Но в этом протографе еще не было «Красной площади», появившейся в третьей редакции. Таким образом, он был написан до 1661 г. и относится к первой половине XVII в.

Этот общий протограф, переработав раннюю редакцию, сам стал объектом двух разных переработок (см. рисунок).

Нам осталось отметить некоторые художественные особенности повести. Ее близость к фольклору видна уже с первых строк в повторе — 300 плах, 300 топоров и 300 палачей, в списке ГИМ, № 3996 сказано даже «триста топорков». Типично фольклорный прием применен и в описании того, как собирали на казнь: каждый палач «имал» по одному человеку «по росписи», и, таким образом, набралось 300 человек.

Иван Грозный в повести наделен многими народно-песенными чертами, которые мы знаем из некоторых исторических песен. Здесь же присутствует типичное для ряда поздних исторических песен описание того, как царь испугался ужасного результата своей жестокости, в данном случае жизнедеятельности обезглавленного трупа, и ускакал от места казни в свои палаты.³⁰ Тем не менее в повести нет налета враждебности по отношению к Грозному. Она проглянула лишь в одном из списков (ГПБ, Q.XVII.252), где говорится, что царь лично вместе с псарями помогал пригнуть голову жертвы к плахе. То, что такое дополнение появилось именно в новгородском списке, вполне понятно: лишний раз проявилась долго жившая в Новгороде ненависть к Грозному, знакомая нам по характерному новгородскому циклу исторических песен о нем.

Язык повести лаконичен и ярок, а отдельные места достигают большой художественной силы. Замечательно сказано, например, что после отъезда царя «палачи же подолзе времени не движуще никого». В словах «не движуще» заключена значительно более полная картина, чем в словах «не казняху», которыми некоторые поздние переписчики заменили их. Впрочем, в поздних списках встречаются свои яркие детали. В одном из новгородских списков палачи никак не могли «стронить» труп; это сочетание в одном слове «сронить» и «стронуть» очень выразительно. Иначе, но тоже хорошо сказано об этом же в списке ГИМ, № 3996: «никако не возмогаша труп с ног збити и главу утолити».

У нас нет никаких данных, а следовательно и ни малейшего намерения утверждать прямую связь повести с позднейшими произведениями русской литературы, в частности с «Песней про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова и с «Василием Шибановым» А. К. Толстого. Более того, можно думать, что ни тот, ни другой поэт эту конкретную древнерусскую повесть не читал. Тем не менее в их произведениях есть общее с повестью. Выше уже приводилось место из повести о народном страхе перед казнью, которое очень схоже с соответствующим описанием А. К. Толстого. Образ гонца, издали машущего шапкой, вновь невольно напоминает слова А. К. Толстого о появлении В. Шибанова:

Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.

Исходя из того, что повесть не была известна писателям XIX в., можно тем сильнее лишний раз поражаться их глубокому проникновению в дух исторической эпохи. Не зная о существовании данной повести, М. Ю. Лермонтов, интуицией гениального художника, нащупал конфликт между купцами, возглавлявшими городскую посад, и царской властью, с ее служилыми людьми, псарями и кирибеевичами. Он создал образ смелого прямого, во всех отношениях достойного человека из народа — купца Калашникова, который не согнул головы ни перед царским слугой, ни перед самим царем. И эта демократическая линия великого поэта в описа-

³⁰ Ср. В. К. Соколова Русские исторические песни XVI в. — В кн. Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян М., 1951, стр. 18

нии событий XVI в. вплотную сблизила его с литературным произведением самого XVI в., вышедшим из самой тогдашней демократической, посадской среды. Купец Харитон Белоулин во многом отличается от купца Степана Калашникова. Но есть между ними и общее — оба они могучие силачи из народа, с которыми не справятся царским слугам, оба они сложили голову на плахе после того, как говорили в глаза царю «прямые речи», оба они подняли голос против насилия, произвола царя и его слуг. В обоих случаях этот голос раздался не из среды боярско-княжеской оппозиции, из которой мы его слышали не раз, а снизу, из среды московского посада.

Все то, что сближает эту маленькую повесть с произведениями большой русской литературы последующих веков, свидетельствует в свою очередь о ее собственных высоких достоинствах.

В заключение хотелось бы сделать один важный, на наш взгляд, вывод. Создание и широкое распространение в XVI—XVII вв. повести про купца Харитона Белоулина наряду с другими произведениями подобного рода свидетельствует о появлении в то время на Руси широкого читателя. Интерес этого читателя к истории не мог удовлетворяться прежним летописанием. Фундаментальные и официальные летописи не удовлетворяли ни количественному спросу, ни вкусам нового читателя. Возникла потребность в массовой, а значит популярной и увлекательной, книге. Мы видим, как начиная со второй половины XVI в. на смену монументальным летописным памятникам приходит многое множество кратких летописей, летописцев и летописчиков. В них коротко и доходчиво рассказываются основные факты отечественной истории. При этом исторические факты в них свободно мешаются с легендами и прямым вымыслом. Беллетристика, еще не вылупившаяся из летописной скорлупы, тем не менее все громче и чаще о себе заявляет. Изучение этой внутрिलетописной, внутриисторической беллетристики XVI и особенно XVII в. является интересной и важной задачей историков литературы. С другой стороны, как это видно на примере повести о купце Харитоне Белоулине, произведения такого жанра полны исторических реалий. Уже став произведениями литературы, они не теряют значения исторических источников.
